

Ольга Богданова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
(Москва, Россия)

«УСАДЕБНЫЕ» ГЕРОИ ДОСТОЕВСКОГО*

Классификация персонажей Достоевского, которая, по наблюдению Ф.В. Макаричева, распадается на типологию и характерологию (см.: Макаричев 2017, 3), строится по различным критериям: социально-психологическим (Н.А. Добролюбов, В.Ф. Переверзев, А.П. Белик), индивидуально-психологическим (А.А. Григорьев), индивидуально-аксиологическим (С.А. Аскольдов, Г.К. Щенников), сюжетно-поведенческим (А.П. Гроссман, Ю.Н. Тынянов), ценностно-психологическим (В.Г. Одинокоев, Р.Г. Назиров, Э.А. Жиялкова), идейно-этическим (Б.М. Энгельгардт), ценностно-эстетическим (А.А. Алексеев, Т.А. Касаткина), мотивно-динамическим (Ф.В. Макаричев в ранних работах) и др. Как правило, единство принципа выделения типов и характеров в произведениях Достоевского из-за сложности и многоуровневости его художественного мира исследователями не выдерживается, что приводит к внутренней противоречивости и недостаточности охвата материала практически во всех имеющихся типологиях и характерологиях (подробнее см.: Макаричев 2016, 7–22).

Трудности классификации персонажей у Достоевского, в первую очередь, связаны со следующими особенностями системы образов в его произведениях. Во-первых, с «прогнозирующим» характером типизации, которая позволяет «по едва уловимым признакам угадать будущее» (Ермилова 1997, 48). Во-вторых, со склонностью писателя типизировать не только «ординарные», уже оформленные, проявившиеся в социуме характеры, но также «исключительные» (Щенников 1997а, 48). Г.К. Щенников указал в творчестве Достоевского на «разрушение “константной определенности типов”» в процессе «анализа личностной психологии и поиска общих микроэлементов в душах разных людей» (Щенников 1997б, 118–119). Важно для нас и наблюдение Ф.В. Макаричева о существующей с XIX в. по нынешнее время «традиции поляризации образной системы писателя» (Макаричев 2017, 5), зачастую не улавливающей глубинной общности таких, например, противопоставляемых типов, как «мечтатель» и «герой-идеолог». Ученый приходит к выводу о том, что, «несмотря на колоссальный опыт в разработке приемов и подходов к систематизации художественных образов в поэтике Ф.М. Достоевского, кажущуюся всестороннюю раз-

---

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18–18–00129).

работанность этой научной проблемы, за всю историю достоевсковедения так и не было предложено ее универсального решения» (Макаричев 2016, 21).

Тем не менее рискнем представить новый принцип классификации персонажей в произведениях Достоевского, на этот раз связанный с категорией топоса. Как «регулярно повторяющиеся в творчестве писателя и в системе культуры формулы, мифы, мотивы и другие разновидности художественного образа, имеющие особые пространственные характеристики [...] и несущие устойчивые смысловые значения [...]» (Булгакова 2008, 14, 55), топосы могут быть и общекультурными универсалиями, и ярким выражением «национальной аксиоматики» (Панченко 1986, 248). Если обратиться к топике как к «генетическому коду культуры», обеспечивающему «преимущество литературного и культурного процессов, связь времен» (Крикливец 2013, 128), то в классификации персонажей Достоевского обязательно должно найтись место для особого ряда героев – не городских разночинцев, не деревенских крестьян, не столичных дворян и купцов, – но людей, сформированных таким фундаментальным явлением русской жизни конца XVIII – начала XX в., как сельская помещичья усадьба. Именно с ней связано «своеобразие материального и духовного развития России» (Стернин 1998, 245). Усадьба – «неотъемлемый элемент рукотворного ландшафта России, квинтэссенция ее быта, многогранное отражение национального характера, психологии [...]» (Нащокина 2008, 13).

Предлагаемая генетически-топологическая классификация далеко не совпадает с социально-сословной типологией или индивидуально-психологической характерологией, включая в орбиту какого-либо одного топоса персонажей разных социальных страт и эмоционально-ценностных складов. Например, топос города представлен мещанами, купцами, промышленниками, рабочими, чиновниками, учащимися, светским обществом, духовенством и т.д. – т.е. весьма разнообразен в сословном отношении. Тем не менее на всех своих жителей, порой резко различных в индивидуально-психологическом плане, город накладывает определенные черты, принуждая реагировать – положительно, отрицательно, нейтрально – на специфические формы организации жизни и связанную с ними систему ценностей. Такой подход позволяет сгладить «острые углы» между уже имеющимися классификациями: например, скорректировать поляризацию персонажей, обосновать эволюцию или мутацию типов и характеров, уйти от разнобоя в принципах классификации и т.п.

Помимо сохранения смысловой идентичности во времени, топика, как уже было отмечено, обладает пространственными характеристиками. И само обращение к ней в настоящем исследовании продиктовано не только семантико-семиотическим пониманием усадьбы как одного из важнейших элементов «национальной аксиоматики», но и надеждами на методологическую опору в лице современной мировой гуманитаристики. В первую очередь, это понятие о набирающем силу в первые десятилетия XXI в. «пространственном культурном повороте». Выделяемые Д. Бахманн-Медик «культурные повороты» рube-

жа XX–XXI вв. (интерпретативный, перформативный, рефлексивный, постколониальный, переводческий, пространственный, иконический) «представляют собой [...] определенные ракурсы исследования, смены перспектив, при которых основные вопросы содержания переходят в [...] установки к исследованию» (Бахманн-Медик 2017, 25), а также способны «формировать инновационные концептуальные ракурсы исследований» (Бахманн-Медик 2017, 31). Новые повороты, по мысли Бахманн-Медик, «постепенно возвращают те измерения культуры, жизненного мира, истории и прежде всего действий, которые были выключены, вытеснены языковой узостью лингвистического поворота», ставшего с 1960-х гг. основой мировой гуманитаристики в лице структурализма, который, как известно, исходил из того, «что к “аутентичной” действительности нет доступа» и язык является «не инструментом описания действительности, но инструментом ее построения» (Бахманн-Медик 2017, 41; 39).

В эпоху постмодерна «“пространство” стало новой центральной единицей восприятия и теоретическим концептом новейшего времени». Однако в «новой концептуализации» под ним подразумевается «не территориальность, вместилище и хранилище традиций или даже родина», но «социальное производство [...] многослойного и часто противоречивого общественного процесса, специфическая локализация культурных практик, динамика социальных отношений, указывающих на изменчивость пространства» (Бахманн-Медик 2017, 338; 343–344).

Так как новая «пространственная оптика» охватывает и территориальные, и символические пространства одновременно, то их, вслед за М. Фуко, точнее всего назвать гетеротопиями, в которых, по мысли французского философа, явления «[...] “положены”, “расположены”, “размещены” в настолько различных плоскостях, что невозможно найти для них пространство встречи, определить *общее место* для тех и других» (Фуко 1977, 34). Суть гетеротопий, значимую для Фуко, сформулировал российский философ В.А. Подорога: «Гетеротопические пространства – пространства совмещения несовмещаемого [...]. Если жизненное пространство в состоянии себя воспроизводить и развивать, то это значит, что его гетеротопическая структура устойчива и эффективна» (Подорога 2013). Кроме того, в гетеротопиях преодолевается «*принцип бинарности* (курсив автора – О.Б.) и задаваемых, постоянно и целенаправленно продуцируемых [...] моделей и способов поведения, организации мира» (Шестакова 2014, 65). Именно в этом нам видится методологический потенциал гетеротопии усадьбы как аспекта анализа «усадебного топоса».

А выдвинутое П. Бурдьё понятие габитуса как нельзя лучше соответствует тому общему впечатлению, который лежит на представителях какого-либо топоса. Габитус, как известно, обозначает обладающую «устойчивым характером» (Бурдьё 2014, 167) сумму психосоматических навыков – походку, жестикуляцию, манеры, тип речи, способ реагирования на внешние факторы и др., – как «систему категорий восприятия, мышления и действия» (Бурдьё 2014, 292), ко-

торые индивид приобретает в процессе социализации, инкорпорируя способы поведения, характерные для того или иного «социального поля», в частности помещицкой усадьбы. Носителем определенного социокультурного габитуса, порожденного сформировавшим его топосом, человек остается и в ситуации других топосов, в которые он попадает в процессе жизни, приспособляясь к ним или, напротив, их видоизменяя.

Указанные междисциплинарные понятия позволяют подойти к «усадебному топосу» как к пространству, которое «само становится центральной аналитической категорией, принципом конструирования социального поведения, [...] стратегией репрезентации[...]. Пространственный ракурс, таким образом, позволяет осуществить целостный анализ того, что раньше рассматривалось скорее по отдельности: несоразмерное сосуществование повседневной жизни, взаимовлияние структур и индивидуальных решений[...]» (Бахманн-Медик 2017, 361–362). В результате «[т]еоретически заостренное переосмысление пространства и локальности, трансграничности и топографий означает для литературоведения настоящий поворот» (Бахманн-Медик 2017, 369).

Конкретно в связи с «усадебным топосом» продуктивно вспомнить и восходящие к Г. Башляру «образы *счастливого пространства*», «*топофилии*» (Курсив автора. – О.Б.), «привязанности к любимому месту» (Башляр 2004, 22; 27). Стремление французского искусствоведа «выявить человеческую ценность пространств, принадлежащих человеку, пространств, обороняемых от враждебных сил, любимых пространств», как нельзя лучше соответствует задачам пространственно-топологической классификации персонажей Достоевского. По мысли Башляра, «[о]браз дома (Добавим: усадебного дома. – О.Б.) поистине дает принцип психологической интеграции, позволяя описательной психологии, психоанализу, феноменологии объединиться в научный корпус, который мы именуем топоанализом. Рассматриваемый в различных теоретических планах, образ дома, кажется, представляет топографию нашей глубинной сущности» (Башляр 2004, 23). Итак, мы наблюдаем, как «пространственный поворот» накладывается на всеми признанный «антропологический поворот», произошедший в мировом гуманитарном знании в 1990-е гг.

Сосредоточимся на топосе русской помещицкой усадьбы XIX в., который порождает в своих представителях, весьма разнообразных как в социальном, так и в индивидуально-психологическом плане, особые ценностно-поведенческие стратегии, обусловленные такими его характеристиками, как деятельная любовь к земле, религиозно-культурная преемственность поколений, семья как единица существования, межсословное единство и т.д. «Возникнув как форма [пространственной] организации жизнедеятельности, усадебная традиция за короткий период формирует особый тип личности», – утверждает Л.Н. Летягин, выдвигая такие новые категории анализа, как «усадебное поведение» и «усадебный тип личности» (Летягин 2004, 13–14). Кроме того, будучи гетеротопией, усадьба нередко является как локусом смерти, так и нового

рождения: например, Скворешники в романе Достоевского «Бесы», где происходит самоубийство Ставрогина и убийство Шатова, в то же время именно оттуда Степан Трофимович уходит в странничество, в котором обретает духовное рождение.

О Достоевском как одном из создателей «усадебного текста» русской литературы заговорили сравнительно недавно, буквально с конца 2000-х гг., в связи с общим интересом к изучению «усадебной культуры» (см.: Макаричева 2008; Богданова 2010; Сафронова 2018; Сафронова 2019). Сам писатель, хотя и не выросший «под старинными липами» усадебных парков, подобно И.С. Тургеневу и Л.Н. Толстому, тем не менее в детстве имел опыт помещицкой жизни в купленных его отцом деревнях Даровое и Черемошня Зарайского уезда Рязанской губернии. Поэтому в творчестве Достоевского и смогли возникнуть чисто «усадебные тексты», например воспоминания Вареньки о своем детстве в «Бедных людях» (1846), роман «Село Степанчиково и его обитатели. Из записок неизвестного» (1859), картины загородного имения Ставрогиных Скворешники как одного из локусов романа «Бесы» (1872), изображение деревни Версилово в «Подростке» (1875). Как справедливо замечает Е.Ю. Сафронова, «в усадьбе действие происходит и в повести “Маленький герой” (1849), усадебные предыстории есть в романах “Униженные и оскорбленные” (1860) и «Идиот» (1868)» (Сафронова 2018, 68). Только сын помещика мог иметь воспоминания, составившие сюжет позднего рассказа Достоевского «Мужик Марей» (в составе «Дневника писателя» за 1876 г.), где сказалось возможное именно в дворянско-крестьянских «усадебных» взаимоотношениях чувство семейной общности, внутреннего родства: «если б я был собственным его сыном, он не мог бы посмотреть на меня сияющим более светлую любовью взглядом [...]» (22, 49).

В «Подростке» общим знаменателем европеизированного дворянского и патриархального крестьянского миров выступает идеал «благообразия», или «порядка». К нему стремятся все: Версильов, Ахмакова, Макар, Софья, Аркадий..., – но каждый вкладывает в него особое содержание. К авторскому пониманию этого слова мы можем прикоснуться в подготовительных записях к «Подростку»: «Благообразие. “Ты искал его”. Нажитые Ростовы...» (16, 411). По мысли писателя, единственная сложившаяся в послепетровской России подлинно национальная форма – это жизнь «старинного» дворянства в своих поместьях рядом с крестьянами. Европейская образованность соприкасалась там с самобытной патриархальной народной традицией. Так хотя бы отчасти преодолевался роковой раскол русской нации, вызванный правительственными реформами XVIII в. В русской литературе лучшим изображением этого единства стали страницы романа Л.Н. Толстого «Война и мир», посвященные жизни Ростовых в Отрадном. В этом поместье дворяне и крестьяне – одна семья, у них общие представления о Боге и смысле жизни, о родине и природе, о любви и семье. Это мир «родового предания и красивых законченных форм», «порядок, [...] уже не предписанный, а самими наконец-то выжитый» (13, 453). Именно он

является сущностью «усадебного топоса» в творчестве Достоевского и большинства русских писателей XIX в.

Хотя в процессе либеральных реформ 1860-х гг. бывшая дворянско-крестьянская общность разрушается, о чем свидетельствуют судьбы Версилова, Софьи и Макара в «Подростке», идеал «благообразия» продолжает оставаться для Достоевского маяком. Каждый из героев романа, в эпоху «общего беспорядка и хаоса» (13, 455), бьется над поиском его новых форм, «угадывая и [...] ошибаясь» (13, 455) вместе со своим создателем.

Начало деградации помещичьего дворянства Достоевский показал в образах Свидригайлова, Ставрогина и Версилова. Поиск «лучших людей» для преобразованной России с этим сословием он уже не связывал (срв.: ироническое изображение речи князя Мышкина на рауте у Епанчиных в Павловске), но и в «оставлен[ном] [...] на одни свои силы» (27, 49) крестьянстве также не надеялся их найти. Напротив, духовно-нравственное состояние народа внушало ему серьезные опасения, о чем свидетельствует ряд образов в его творчестве: жестокий Миколка из сна Раскольниково о замученной кобыленке («Преступление и наказание», 1866), крестьянин, который, перекрестившись, убил друга за понравившиеся часы («Идиот», 1868), бывший крепостной Федька-каторжный, надругавшийся над православной святыней – иконой Богоматери («Бесы», 1872), парень, из удалства чуть не расстрелявший причастие («Дневник писателя», 1873), русский «созерцатель» Смердяков, ненавидящий Россию («Братья Карамазовы», 1878–1880) и т.д.

Однако сам топос помещичьей усадьбы, как мы увидим дальше, внушал писателю определенные надежды. Симптоматично, что народный праведник Макар Долгорукий из романа «Подросток», носитель высших бытийных ценностей и перспективных, по мысли Достоевского, жизненных стратегий, не простой крестьянин, не деревенский житель, но дворовый человек, садовник, т.е. житель дворянской усадьбы, тесно приближенный к господам и не чуждый их культуре. К дворне принадлежала и будущая мать Аркадия, вызвавшая серьезную любовь у образованного помещика Версилова. Впоследствии он заметил своему общему с Софьей сыну, носившему фамилию ее законного мужа: «Макар Иванович прежде всего – не мужик, а дворовый человек, [...] – бывший дворовый человек и бывший слуга, родившийся слугою и от слуги. Дворовые и слуги чрезвычайно много разделяли интересов частной, духовной и умственной жизни своих господ в былое время» (13, 312).

Неудивительно, что ряд героев-дворян и героев-крестьян в «Подростке» – продукты той особой «усадебной культуры», которая сложилась в России XVIII–XIX вв. как преодоление культурно-психологического раскола русской нации, вызванного реформами Петра I в начале XVIII в. Несмотря на социальные разногласия и психологические различия, все они носители единой национальной системы ценностей, в которую на равных правах входят крестьянская патриархально-православная «почвенность» и дворянская европеизирован-

ная универсальность с ее уважением к человеческой личности. Причем «усадебные» герои в «Подростке» очевидно противопоставлены столичной аристократии, интеллигентам и дельцам как «беспочвенным» сугубо городским жителям – Сокольским, Бьорингу, Крафту, Васину, Стебелькову, Ламберту и др. В лице Аркадия Долгорукого, живого синтеза дворянско-крестьянских черт, восходящих к опыту усадьбы, Достоевский задает желательный вектор развития человека русского будущего. Симптоматично, что само имя героя указывает на усадьбу, в России XIX в. обычно понимавшуюся как «Эдем, Аркадия и Золотой век» (см.: Дмитриева, Купцова 2008, 143–149). В связи с этим представляется перспективным ввести в научный оборот категорию «усадебного габитуса» и апробировать ее на материале персонажной системы романа «Подросток». Однако это задача отдельной, самостоятельной работы.

В заключение стоит отметить, что, помимо социокультурного, «усадебный топос» также вмещает в себя индивидуально-психологическое разнообразие. Например, в романе «Село Степанчиково и его обитатели. Из записок неизвестного» автор находил, имея в виду помещика Ростанева и его приживальщика Фому Опискина, «[...] два огромных типических характера [...] вполне русских и плохо до сих пор указанных русской литературой» (28–1, 326). В общей рамке топоса они видятся не взаимоисключающей полярностью, но скорее чем-то вроде коллизии, задающей динамику повествования.

Литература

- Бахманн-Медик 2017:** *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Башляр 2004:** *Башляр Г.* Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004.
- Богданова 2010:** *Богданова О.А.* Место Ф.М. Достоевского в «усадебном тексте» русской литературы XIX – начала XX века. Социокультурный аспект. // Универсалии русской литературы. 2. Сборник статей / Отв. ред. А.А. Фаустов. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010, с. 296–305.
- Булгакова 2008:** *Булгакова А.А.* Топика в литературном процессе: пособие. Гродно: ГрГУ, 2008.
- Бурдьё 2005:** *Бурдьё Пьер.* Социальное пространство: поля и практики / Пер. с фр., состав. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2014.
- Дмитриева, Купцова 2008:** *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. 2. изд. М.: ОГИ, 2008.
- Ермилова 1997:** *Ермилова Г.Г.* Типизация. // Достоевский: эстетика и поэтика. Словарь-справочник. Челябинск: Металл, 1997, с. 48–49.
- Крикливец 2013:** *Крикливец Е.В.* Топос как структурный элемент хронотопа и объект научного исследования (на примере творчества В. Астафьева и В. Козько). // Ученые записки УО „ВГУ им. П.М. Машерова“. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013, т. 16, с. 126–131.
- Летягин 1998:** *Летягин Л.Н.* Усадебный металадшафт России // Русская усадьба: Сб. ОИРУ. Вып. 10 (26). М.: Жираф, 2004, с. 9–18.

- Макаричева 2008:** *Макаричева Н.А.* Парадигма «усадыба – дом – угол» в творчестве Достоевского. // Усадыба реальная – усадыба литературная: Сб. статей. Мелихово, Госуд. литературно-мемориальный музей-заповедник А.П. Чехова, 2008, с. 224–229.
- Макаричев 2016:** *Макаричев Ф.В.* Художественная индивидуология Ф.М. Достоевского. СПб.: ЭлекСис, 2016.
- Макаричев 2017:** *Макаричев Ф.В.* Художественная индивидуология в поэтике Ф.М. Достоевского: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Екатеринбург, 2017.
- Нащокина 2008:** *Нащокина М.В.* Актуальные проблемы изучения русской усадыбы. // Русская усадыба: Сб. ОИРУ. Вып. 13–14 (29–30). М.: Улей, 2008, с. 7–16.
- Панченко 1986:** *Панченко А.М.* Топика и культурная дистанция. // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986, с. 220–260.
- Подорога 2013:** *Подорога В.А.* Событие: Бог мертв. Фуко и Ницше. // Фридрих Ницше. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/ontologie/vpodoroga/> (дата обращения 25.08.2013).
- Сафронова 2018:** *Сафронова Е.Ю.* Genius loci в поэтике романа Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». // Проблемы исторической поэтики, 2018, т. 16, № 3, с. 65–84.
- Сафронова 2019:** *Сафронова Е.Ю.* Топос усадебного рая в повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». // Исследовательский журнал русского языка и литературы (Иран). 2019. [Готовится к печати]
- Стернин 1998:** *Стернин Г.Ю.* Русская загородная усадыба в современных историко-культурных интересах. // Русская усадыба: Сб. ОИРУ. Вып. 4 (20). М.: Жираф, 1998, с. 245–252.
- Фуко 1977:** *Фуко М.* Слова и вещи / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977.
- Шестакова 2014:** *Шестакова Э.Г.* Гетеротопия – рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект. // Критика и семиотика, 2014, № 1 (20), с. 58–72.
- Щенников 1997а:** *Щенников Г.К.* Тип. // Достоевский: эстетика и поэтика. Словарь-справочник. Челябинск: Металл, 1997, с. 47–48.
- Щенников 1997б:** *Щенников Г.К.* Типология художественного творчества. // Достоевский: эстетика и поэтика. Словарь-справочник. Челябинск: Металл, 1997, с. 118–119.
- Bakmann-Medik 2017:** *Bakmann-Medik D.* Kul'turnyye povoroty. Novyye oriyentiry v naukakh o kul'ture. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2017.
- Bashlyar 2004:** *Bashlyar G.* Izbrannoye: Poetika prostranstva. M.: ROSSPEN, 2004.
- Bogdanova 2010:** *Bogdanova O.A.* Mesto F.M. Dostoyevskogo v «usadebnom tekste» russkoy literatury XIX – nachala XX veka. Sotsiokul'turnyy aspekt. // Universalii russkoy literatury. 2. Sbornik statey / Otv. red. A.A. Faustov. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2010, s. 296–305.
- Bulgakova 2008:** *Bulgakova A.A.* Topika v literaturnom protsesse: posobiye. Grodno: GrGU, 2008.
- Burd'yo 2005:** *Burd'yo P'yer.* Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki / Per. s fr., sostav. i poslesl. N.A. Shmatko. SPb.: Aleteyya, 2014.
- Dmitriyeva, Kuptsova 2008:** *Dmitriyeva Ye.Ye., Kuptsova O.N.* Zhizn' usadebnogo mifa: Utrachenny i obretenny ray. 2. izd. M.: OGI, 2008.
- Yermilova 1997:** *Yermilova G.G.* Tipizatsiya. // Dostoyevskiy: estetika i poetika. Slovar'-spravochnik. Chelyabinsk: Metall, 1997, s. 48–49.
- Kriklivets 2013:** *Kriklivets Ye.V.* Topos kak strukturnyy element khronotopa i ob'yekt nauchnogo issledovaniya (na primere tvorchestva V. Astaf'yeva i V. Koz'ko). // Uchenyye zapiski UO „VGU im. P.M. Masherova“. Vitebsk, VGU imeni P.M. Masherova, 2013, t. 16, s. 126–131.

- Letyagin 1998:** *Letyagin L.N.* Usadebnyy metalandshaft Rossii. // Russkaya usad'ba: Sb. OIRU. Vyp. 10 (26). M.: Zhiraf, 2004, s. 9–18.
- Makaricheva 2008:** *Makaricheva N.A.* Paradigma «usad'ba – dom – ugol» v tvorchestve Dostoyevskogo. // Usad'ba real'naya – usad'ba literaturnaya: Sb. statey. Melikhovo, Gosud. literaturno-memorial'nyy muzey-zapovednik A.P. Chekhova, 2008, s. 224–229.
- Makarichev 2016:** *Makarichev F.V.* Khudozhestvennaya individologiya F.M. Dostoyevskogo. SPb.: ElekSis, 2016.
- Makarichev 2017:** *Makarichev F.V.* Khudozhestvennaya individologiya v poetike F.M. Dostoyevskogo: Avtoref. dis. ... doktora filol. nauk. YEkaterinburg, 2017.
- Nashchokina 2008:** *Nashchokina M.V.* Aktual'nyye problemy izucheniya russkoy usad'by. // Russkaya usad'ba: Sb. OIRU. Vyp. 13–14 (29–30). M.: Uley, 2008, s. 7–16.
- Panchenko 1986:** *Panchenko A.M.* Topika i kul'turnaya distantsiya // Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya. M.: Nauka, 1986, s. 220–260.
- Podoroga 2013:** *Podoroga V.A.* Sobytiye: Bog mertv. Fuko i Nitssshe. // Fridrikh Nitssshe. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/ontologie/vpodoroga/> (data obrashcheniya 25.08.2013).
- Safronova 2018:** *Safronova Ye.Yu.* Geniusloci v poetike romana F.M. Dostoyevskogo «Selo Stepanchikovo i yego obitateli». // Problemy istoricheskoy poetiki, 2018, t. 16, № 3, s. 65–84.
- Safronova 2019:** *Safronova Ye.Yu.* Topos usadebnogo raya v povesti Dostoyevskogo «Selo Stepanchikovo i yego obitateli». // Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury (Iran). 2019. [Gotovitsya k pechati]
- Sternin 1998:** *Sternin G.Yu.* Russkaya zagorodnaya usad'ba v sovremennykh istoriko-kul'turnykh interesakh. // Russkaya usad'ba: Sb. OIRU. Vyp. 4 (20). M.: Zhiraf, 1998, s. 245–252.
- Fuko 1977:** *Fuko M.* Slova i veshchi / Per. s fr. V.P. Vizgina, N.S. Avtonomovoy. M.: Progress, 1977.
- Shestakova 2014:** *Shestakova E.G.* Geterotopiya – rabocheye ponyatiye sovremennoy gumanitaristiki: literaturovedcheskiy aspekt. // Kritika i semiotika, 2014, № 1 (20), s. 58–72.
- Shchennikov 1997a:** *Shchennikov G.K.* Tip. // Dostoyevskiy: estetika i poetika. Slovar'-spravochnik. Chelyabinsk: Metall, 1997, s. 47–48.
- Shchennikov 1997b:** *Shchennikov G.K.* Tipologiya khudozhestvennogo tvorchestva. Dostoyevskiy: estetika i poetika. Slovar'-spravochnik. Chelyabinsk: Metall, 1997, s. 118–119.